

Арамашот ПАПАЯН:

«САМОЕ ДОРОГОЕ...»

ИМЯ драматурга Арамашота Папаяна хорошо известно зрителю. Его пьесы с успехом шли не только на нашей сцене, но и за рубежом.

Будь то музыкальная комедия «Большая свадьба», уже ставшая национальной классикой, пьеса «Ереванские розы» или фильм «О моем друге» — в центре произведений драматурга человек труда, его характер, его жизнь.

Пятый сезон идет на сцене академического Армянского театра имени Сундукяна комедия Арамашота Папаяна «Да, мир перевернулся», а билеты на спектакль по-прежнему трудно достать. Любимые словечки героя комедии старого каменотеса Маркара повторяют в Ереване прохожие, они стали афоризмами. Кажется, будто мастер Маркар и вся его большая рабочая семья сошли со сцены в жизнь и зашагали с нами в ногу, как старые добрые знакомые, наши современники...

Рабочий стол Арамашота Петровича завален письмами.

— Вы читаете все, что вам пишут зрители? — интересуюсь я.

Он улыбается.

— Разумеется. Они мои настоящие помощники. Вот видите, письмо из Новороссийска. Пишет мой старый приятель. В 30-х годах мы работали вместе грузчиками в Новороссийском порту. Теперь он инженер. Прочел мою новую пьесу и делится впечатлениями. Вы не представляете, как много в этих письмах делных замечаний, мыслей, сообра-

жений. Читаешь их и ловишь себя на том, что чего-то недоглядел, чего-то не заметил, что-то упустил.

— Чем вас привлекает рабочая тематика?

— Совсем недавно у меня произошел крупный разговор с одним моим коллегой. В наш век все решают техника, наука, интеллект, — сказал он мне. — В недалеком будущем гигантские заводы-автоматы, управляемые несколькими специалистами, придут на смену многочисленной армии рабочих. Да и вообще что это за тематика — рабочая?.. Люди есть люди, и для драматурга прежде всего важен человек независимо от его профессии...

На первый взгляд, казалось бы, мой коллега ставит вопросы правильно. Для драматурга важен прежде всего человек, его духовный мир, его личность, его дела и поступки. Согласен. Но что значит человек вообще? Я отказываюсь это понимать. Где он живет? На необитаемом острове? Человек конкретен. А художник в силу законов своего искусства должен обобщить в человеке самые характерные, существенные, типические черты. Именно поэтому драматург не может вырвать человека из его среды. Это значит — вырвать его из жизни. Лишить плоти и крови. Как бы ни развивалась техника и автоматика, как бы ни верны были пророчества отца кибернетики Норберта Винера насчет сплошной автоматизации, — все равно всей этой машинерией будет руководить человек. Человек производ-

ства. Рабочий человек, обогащенный знаниями, со своим богатым духовным миром и той характерной чертой, которая называется рабочей солидарностью. Интеллект сам по себе ничего не значит, если не живет на высоких моральных качествах, не проникнут высокой идеей, преобразующей действительность.

В молодости я был каменотесом. Профессия каменотеса такая же древняя, как сама Армения. Моими первыми учителями были рабочие люди. Теплота их сердец, мудрый юмор, человечность и высокие моральные принципы — самое дорогое, что навсегда связало меня с темой, которой я остаюсь верен.

Кто не знает в Армении знаменитого каменотеса Меграба? О нем недавно писал «Труд». Или Варпета Согомона, чья искусная резьба украшает здания на площади Ленина. Это настоящие художники! Недаром их избрали в Союз архитекторов Армении. Как можно не писать о таких людях?

— Но не кажется ли вам, что на театральных сценах Еревана мало пьес, посвященных рабочему классу?

— Это беда не только нашей национальной сцены, но и театров Москвы и Ленинграда... Чего греха таить, у нас было время, когда на сцене и экране нередко все сводилось к разрешению чисто технических производственных проблем. И я понимаю опасения моего коллеги, как бы на сцене винтики и гайки не заслонили самого рабочего чело-

ПИШУ О РАБОЧИХ

века. Но главное не в этом. Рабочий 70-х годов — это уже не рабочий, например, 30-х. Техническая революция повлекла за собой не только социальный сдвиг, но и душевный, психологический. Функции рабочего на производстве стали шире. Рабочий вырос. И продолжает расти и как представитель своего класса, и как личность. Вот унайтись за этим ростом, который проходит стремительно, нам, драматургам, к сожалению, не всегда удается. Здесь порой драматургический стандарт, работа по старинке мешает разглядеть новое интересное явление. Чтобы драматург отразил новаторство, надо самому быть новатором.

— И в заключение — традиционный вопрос. Над чем вы сейчас работаете. Арамашот Петрович?

— Вы, наверное, помните, как кончается пьеса «Да, мир перевернулся». Сыновья варпета Маркара обзавелись семьями и разлетелись в разные стороны. И только один из них остался верен профессии отца-каменотеса... Сейчас я пишу вторую часть этой театральной диалогии. Меня постоянно занимает тема преемственности поколений, и эту тему я мечтаю воплотить в новой пьесе. Хочется показать на сцене, как происходит становление и формирование молодого рабочего и какой высокий смысл приобретают рабочие традиции, передаваемые от отца к сыну. Это для меня самое дорогое.

В. ШАХНАЗАРЯН.
(Корр. «Труда»).

ЕРЕВАН.